

И. БАХТЕРЕВ

250 часов с Лениным. Воспоминания

Живописца и декоратора, скульптора и рисовальщика Натана Альтмана я знаю несколько десятилетий. С Натаном Исаевичем Альтманом знаком несколько дней. Очень рад, что могу написать: старость обходит художника стороной. Он сохранил веселый задор, остроту восприятия, живость молодости. А семьдесят пять прожитых лет сказались в мудрой зрелости мастерства, в голубоватой седине непоредевших волос.

На его рабочем станке — недавно законченный скульптурный портрет Владимира Ильича, результат трудного пути длиной в сорок четыре года. Искусствоведы еще скажут вдумчивые слова об этой скульптуре, которая, без сомнения, останется в истории советской пластики. Передо мной другая задача — записать рассказ о первых днях этого пути. Начинался он в кабинете Ленина, где Натан Альтман провел у такого же, как и сегодня, станка шесть незабываемых недель, двести пятьдесят рабочих часов рядом с Лениным.

— Больше года я работал над этой скульптурой, — рассказывает Натан Исаевич, — и события, которые еще недавно туманились в прошлом, будто приблизились. Сегодня, когда портрет закончен, мне даже кажется, что я снова пережил романтический двадцатый год, когда произошел случай, казалось бы, необыкновенный: тридцатилетний художник без титулов и званий первым получил право создать портрет Владимира Ильича.

Объяснение следует искать в характерной атмосфере первых лет революции, — продолжает Натан Исаевич.

Он ведет рассказ издалека, вспоминая, задерживая ваше внимание не только на главном. Может быть, поэтому вы начинаете улавливать особое дыхание того времени...

Последние годы первой мировой войны Альтман работал в Петрограде, на заводе Щетинина, где строили гидросамолеты. Аль-

тман выполнял обязанности чертежника, потом стал художником-конструктором. Рабочие завода были на стороне большевиков, со многими Альтман дружил. Октябрьская революция застала Альтмана в Крыму, где он проводил отпуск. Известие о пролетарской революции принял восторженно и, не дожидаясь конца отпуска, вернулся в Петроград. И все же, как и многие русские интеллигенты, художник не понял масштаба и значения событий. Альтман решил: настало самое подходящее время осуществить давнишнее намерение — устроить персональную выставку в Нью-Йорке. Выполнить такое решение оказалось не просто. Настойчивость победила. Картины были собраны и упакованы. Новенький заграничный паспорт и проездной билет лежали в бумажнике. Но именно в этот момент к Альтману пришел странного вида человек: небольшого роста, с торчащими, чуть седеющими волосами. То был недавно вернувшийся на родину из Парижа живописец Давид Штеренберг.

Несколько лет назад Альтман и Штеренберг жили в Париже, в одном доме — многоугольном сооружении, напминавшем провинциальный цирк. Парижане называют этот дом «Улеем искусства». Он и сегодня служит прибежищем для начинающих художников.

В 1914 году мастерскую Штеренберга посетил Луначарский. «Я отмечаю не столько богатство исканий Штеренберга, сколько необычно быстрые успехи, которые он делает... и более всего его уверенный вкус», — писал после этого посещения Луначарский в своей корреспонденции для газеты «Киевская мысль».

Теперь Штеренберг пришел к Альтману по экстренному поводу. При Комиссариате народного просвещения начинали создавать отдел изобразительных искусств, и нарком Анатолий Васильевич Луначарский предлагал Штеренбергу и Альтману принять участие в работе Комиссариата.

Встреча и знакомство народного комиссара и художника Альтмана произошли в тот же день. Деловой разговор продолжался всего несколько минут. Когда Анатолий Васильевич прощался с Альтманом, художник уже чувствовал себя неотделимой частичей сутолочного многоголосого наркомата, строителем нового, небывалого мира...

Картины были распакованы, билет продан, заграничный паспорт брошен в опустевший чемодан. Первое время были забыты кисти, палитра, глина. «Искусство в массы» — этот лозунг на кумачовом полотнище становится для организаторов «отдела изобразительных искусств» конкретным понятием, программой действия.

При отделе был создан руководящий и одновременно оперативный штаб: Коллегия по делам изобразительных искусств. Натан

Альтман был поначалу одним из семи членов коллегии, а затем ее председателем. С первых дней вместе со Штеренбергом и Альтманом работали скульптор Матвеев, живописцы Карев и Школьник, график Чехонин. Через несколько месяцев коллегия расширилась: присоединились Маяковский, Брик, архитектор Щуко.

Альтман непосредственно руководил секцией «изобразительных работ». Секция объединяла художников всех специальностей — от графиков до декораторов. Круг интересов и обязанностей был очень широк. Оформление празднеств, украшение городов, создание музеев современного искусства, устройство выставок, наконец, сооружение памятников, когда страна стала проводить в жизнь ленинский план монументальной пропаганды, — достаточно этого перечисления, чтобы понять: заведующему секцией оставалось мало времени на отдых и сон. А ведь заведующий был художником большого творческого темперамента. По эскизам Альтмана были оформлены Дворцовая площадь ко дню первой годовщины Октябрьской революции; площадь перед зданием Фондовой биржи к инсценировке, посвященной Коминтерну; Альтман участвовал в конкурсе на первые советские почтовые марки и получил первую премию, создал памятник Рентгену, удачные агитационные барельефы Халтурина и Луначарского, занимался книжной графикой. Короче, всех его работ не перечислить.

С Луначарским Альтману приходилось встречаться почти ежедневно.

Когда правительство переехало в Москву, вместе со всеми комиссариатами переехал в новую столицу и Наркомпрос. Отдел изобразительных искусств оставался в Петрограде. Начальнику отдела Альтману приходилось то и дело бывать в Москве. Он продолжал видаться с Анатолием Васильевичем и в кабинете наркома и у него дома, в кремлевской квартире.

Приехав в очередной раз, Альтман по обыкновению зашел к Луначарскому. В хорошо знакомой столовой, заставленной книжными шкафами, он увидел только что законченный бюст Луначарского. Работа была слабой, неинтересной. Альтман не скрыл своего мнения. Он сказал, что тоже хотел бы попробовать лепить Луначарского. Может быть, ему удастся сделать лучше. Анатолий Васильевич согласился. Альтман стал ежедневно бывать в Кремле у Луначарского.

В 1920 году Ленину исполнилось пятьдесят. С Альтманом дважды разговаривали (сначала в Петрограде — в отделе изобразительных искусств, потом в Москве — в Госиздате) о создании графического или живописного портрета Ленина к торжественной годовщине. Альтман с радостью взялся бы за работу. Но как писать

портрет без живой природы? Каждый художник знал: Владимир Ильич отказывается позировать даже несколько минут фотографам. Возможность приходилось ловить, невзначай делать снимки.

— Фотоснимки — полезный вспомогательный материал, — отвечал на все предложения Альтман, — в том случае, когда перед глазами или в памяти живая натура. Я Ленина никогда не видел, для меня фотографии бесполезны...

Близился конец работы над скульптурой Луначарского. Альтман рассказал Анатолию Васильевичу про интересное предложение Госиздата сделать портрет Ленина. Поделился и своими сомнениями.

Луначарский слушал, одобрительно кивая головой.

— С фотографий фотография и получится, — сказал Анатолий Васильевич и предложил: — Попробую потолковать с Владимиром Ильичем.

Альтман был убежден, что старания Луначарского ничего не изменят. Нетрудно представить радость и одновременно удивление Альтмана, когда через несколько дней, заканчивая скульптуру, он услышал:

— А вот вам премия за удачный портрет. Владимир Ильич согласен... Нет, не позировать. Он остался верен себе. Владимир Ильич разрешает писать портрет в его рабочем кабинете.

Тогда у Альтмана и родилась мысль сделать не живописный портрет, как ему предлагали, а скульптурный. Работа над объемной скульптурой требует изучения природы с разных точек, дает художнику возможность маневрировать.

Ленин подтвердил свое согласие и сообщил, когда начинать. С этой минуты жизнь Альтмана подчинилась единственной цели: сделать портрет.

Настал назначенный Лениным день, обычный для апреля, с талым снегом и пасмурным небом. Альтману он казался ярким и сверкающим. Как и всегда перед началом большой работы, ему было легко и весело. Мысли поглощены будущей темой: перед глазами Ленин, то в скульптурных формах, то живой и величественный, как подобает главе государства, вождю мирового пролетариата.

Около десяти часов утра на грузовом автомобиле (кажется, из гаража Наркомпроса) Альтман привез в Кремль глину, станок, инструменты, погрузил в лифт, поднял на третий этаж. В лифте и коридоре пахло карболкой: в городе возобновились случаи сыпняка. Чекист у двери кабинета проверил предъявленный пропуск. Разрешил войти в кабинет. Альтман осмотрелся: в небольшой светлой комнате — никого. За окнами пустынный кремлевский

двор. В простенке между окон — зеркало. Много книг — несколько шкафов. Обычный кабинетный диван с высокой спинкой, на ней портрет Маркса — подарок петроградских рабочих, как объяснил впоследствии Владимир Ильич. На стенах географические карты. Посередине комнаты письменный стол с единственным телефонным аппаратом.

Прежде всего нужно было выбрать рабочее место: наиболее выгодное для скульптора, наименее назойливое для хозяина кабинета. Глиняная глыба на станке. Стеки, карандаш, бумага наготове, но Альтман еще в одиночестве. Пригладил перед зеркалом длинные волосы, поправил модный узкий бантик, почистил рукой вельветовый пиджак и подошел к станку.

Дверь в коридор бесшумно открылась, в кабинет вошел Ленин. Простой, даже домашний. В не слишком новом, тщательно вытуженном, темном костюме.

— Здравствуйте, товарищ Альтман, — сказал Владимир Ильич. Ни о чем Альтмана не спросив, сел за стол, принялся разбирать книги и бумаги. Первая встреча с Лениным была такой, будто Альтман хорошо знаком с Лениным и давно работает в его кабинете. Потому сразу создалась спокойная рабочая обстановка. Каждый занимался своим делом. Ленин писал очередную страницу своего труда: «Детская болезнь “левизны” в коммунизме», Альтман изучал натуру.

За письменным столом Владимир Ильич казался значительно выше своего роста. Большая голова, выдающийся вперед лоб, очень своеобразный череп, срезанный на темени, широко расставленные глаза. С первого дня стало ясно: работать будет нелегко. Ленин низко склонялся над столом, и лица его почти не было видно. Но вот вспыхнула красноватая лампочка, послышалось глухое гудение. Ленин взял телефонную трубку. Разговаривая, он откинулся на спинку стула. И опять неудобный поворот. Теперь виден был только подбородок.

К концу рабочего дня глиняная глыба еще отдаленно, но все же напоминала голову. Альтман нарушил молчание, попросил, чтобы Владимир Ильич время от времени смотрел в сторону будущей скульптуры, прохаживался по комнате. Ленин согласился.

На следующий день очертания лица в глине стали яснее.

Ленин подошел, сощурился, пристально посмотрел на скульптуру.

— Разве у меня такой нос? Не совсем похоже...

Альтман объяснил, что это пока только набросок.

— А Луначарский сказал, вы закончите скульптуру в два-три дня. И каждый сеанс продлится не дольше получаса.

Стало ясно: в разговоре с Лениным Луначарский пошел на тактическую хитрость.

— Пять часов — слишком мало. Это — время одного сеанса. А их будет довольно много, — сказал художник неопределенно.

— Все ясно, — улыбнулся Ленин. — Охотничьи сказки -Анатолия Васильевича... Это будет футуристическая скульптура? — осторожно спросил Владимир Ильич.

Очевидно, незавершенность форм Ленин принял за «левизну» ма-неры. Альтман понял опасность Владимира Ильича и сдержал улыбку.

— У меня одна задача — сделать портрет. Эта простая и ясная цель диктует подход к работе.

— А вы не могли бы мне показать работы с футуристическим подходом? — попросил Владимир Ильич.

На следующий день Альтман принес пачку фотографий своих прежних кубистических полотен. Ленин с интересом смотрел одну за другой, потом, отложив их, сказал:

— В таком искусстве ничего не понимаю. Это — дело специалистов.

У Ленина могло сложиться неправильное представление о творчестве Альтмана. Альтман проявил и напечатал фотографии своей последней работы — скульптурного портрета Луначарского — и показал их Ленину.

— Что-то незнакомое в глазах, во взгляде, — сказал Владимир Ильич.

Альтман сразу догадался, почему создалось такое впечатление.

— Вы привыкли видеть Анатолия Васильевича в пенсне. А позировал он без очков...

— А пенсне можно изобразить? — заинтересовался Ленин. — Как это сделать в скульптуре?

И Альтман стал подробно рассказывать, как в глине передать ощущение стекла.

...Альтману хотелось сделать Ленину что-нибудь приятное, и он посоветовался с Луначарским.

— Подарите Владимиру Ильичу вага барельеф Степана Халтурина, — сказал Анатолий Васильевич.

На следующий день Альтман пришел с кабинет Ленина раньше обыкновенного и до прихода Ленина поставил барельеф на спинку дивана рядом с портретом Маркса.

Барельеф Ленину очень понравился (об этом он сказал и Луначарскому). Поблагодарив Альтмана, Владимир Ильич попросил сделать подпись «Степан Халтурин» более четко и объяснил:

— У меня бывают иностранные делегаты да и наши товарищи. Пусть видят, чье это изображение.

— Монументальная пропаганда в действии, — пошутил Альтман.

Работа над скульптурным портретом Ленина подвигалась медленно. Альтману приходилось подолгу выжидать, прежде чем удавалось увидеть нужную деталь, контур или форму...

Однажды Ленин пришел позже, чем всегда, сказал, что должен уехать. Дожидаясь автомобиля, он сел за стол и, не снимая шапки, не теряя времени, принялся писать.

— Снимите, пожалуйста, шапку, — попросил Альтман. — Тогда я тоже смогу поработать.

— Это можно, — сказал Ленин и, улыбнувшись, снял шапку.

— Интересно, — спросил он, — вы работаете медленнее обычного?

— Если бы вы позировали, — сказал Альтман, — работа подвигалась бы гораздо быстрее.

— Но скульптура получилась бы неестественной, — убежденно сказал Владимир Ильич.

«Так вот почему Ленин не соглашался позировать», — подумал Альтман.

Самым удобным временем для наблюдений были минуты, когда Ленин беседовал с посетителями. Альтман сразу брал бумагу, карандаш и начинал рисовать. При Альтмане Ленин принимал Томского, Кржижановского, Владимирова, Заходили Крупская, Мария Ильинична. При Альтмане Ленин напутствовал Дзержинского перед его отъездом на фронт.

Секретарь входил и докладывал о посетителе. И каждый раз Альтман спрашивал:

— Мне уйти?

— Пожалуйста, оставайтесь, — неизменно говорил Ленин.

Работал Альтман ежедневно с десяти и до пяти, а иногда задерживался и позже, пока в кабинет не приходили участники вечерних совещаний. Не пропускал Альтман и воскресных дней. Работал даже Первого мая. Ленин зашел в кабинет, увидел Альтмана и удивился. Но из разговора Альтман выяснил, что и Ленин не отдыхал, а пришел с воскресника. Вместе со всеми грузил бревна.

Все теплее становились весенние дни. Майские солнечные лучи сушили глину. Новое непредвиденное затруднение: скульптуру приходилось то и дело поливать водой, а на ночь покрывать мокрой тряпкой. Как-то раз Альтман попросил Владимира Ильича с утра намочить тряпку. Альтман должен был пойти по делам в Наркомпрос. Владимир Ильич был человеком точным и обязательным, вызвал сотрудницу секретариата Наташу Лепешинскую и попросил принести чайник с холодной водой, а сам продолжал писать

за столом. Наташа вернулась с чайником. Владимир Ильич, не отрываясь от бумаг, сказал ей:

— Будьте добры, вылейте на мою голову. Наташа растерялась, но все же подошла к Ленину со спины. Она в нерешительности стояла с чайником. Владимир Ильич взглянул на нее и расхохотался.

— Не на эту голову, — хлопнул он себя по лбу. — Вон на ту, под тряпкой!

От смеха он даже вскочил со стула.

В конце мая работа была закончена. Альтмана срочно вызвали в Петроград, в отдел изобразительных искусств. К вечеру, в перерыве заседания, работники охраны вынесли скульптуру из кабинета. Вместе с ними выходил из кабинета Альтман и в дверях встретил Ленина. Попрощались.

— Счастливого пути, товарищ Альтман. Это была их последняя встреча.

В одной из комнат Совнаркома в тот же вечер была отлита гипсовая форма.

— Вот и все, что я смог вам рассказать, — говорит Натан Исаевич. — Творческий итог двухсот пятидесяти рабочих часов: скульптура, пейзаж из окна кабинета Ленина и девять портретных рисунков. Они были изданы Госиздатом. Альбом хранится среди книг Владимира Ильича. Что еще добавить? До работы над скульптурным портретом я знал Ленина умом; работал и изучал глазами; общаясь, узнал его сердцем. Более сорока лет прошло с тех пор, но память хранит его образ. Я постарался воплотить эти воспоминания в моей новой скульптуре. Она перед вами.

